

ВАСИЛИЙ
ЖУКОВСКИЙ

Утренняя звезда
Стихотворения
Баллады

МОСКВА
2023

УДК 821.161.1-93
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Ж86

Оформление серии *Н. Ярусовой*

В оформлении переплета использованы
фрагменты портрета *В. А. Жуковского*
работы художника *Ореста Кипренского*, 1816 год

Жуковский, Василий Андреевич.

Ж86 Утренняя звезда : стихотворения, баллады / Василий Жуковский. — Москва : Эксмо, 2023. — 384 с. — (Всемирная литература (с картинкой)).

ISBN 978-5-04-189823-6

В сборник избранных стихотворений Василия Жуковского, классика XIX века, вошли разнообразные по тематике и стилю произведения, отражающие всё богатство наследия русского поэта. В сборнике представлены как лирические стихи, так и знаменитые баллады Василия Жуковского, ставшие знаковыми для отечественной словесности и входящие во все программы изучения литературы.

УДК 821.161.1-93
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

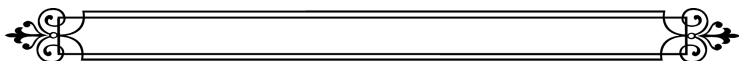
ISBN 978-5-04-189823-6

© Соболева Д.Р., составление, 2023
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2023

.....
————

Стихотворения

————
.....

Мир

Проснись, пифийского поэта древня лира,
Вещательница дел геройских, брани, мира!
Проснись — и новый звук от струн своих издай
И сладкою своей игрою нас пленяй —
Исполни дух святым восторгом!

Как лира дивная небесного Орфея,
Гремишь ли битвы ты — наперсники Арея
Берутся за мечи и взорами грозят;
Их бурные кони ярятся и кипят,
Крутя свои волнисты гривы.

Поешь ли тишину — гром Зевса потухает;
Орел, у ног его сидящий, засыпает,
Вздывая медленно пернатый свой хребет;
Ужасный Марс свой меч убийственный кладет
И кротость в сердце ощущает.

Проснись! и *мир* воспой блаженный, благодатный;
Пусть он слетит с небес, как некий бог крылатый,
Вечнозеленою оливою махнет,
И грозну брань с лица вселенной изженет
И примирит земные роды!

Где он — там вечное веселье обитает,
Там человечество свободно процветает,
Питаясь щедростью природы и богов;
Там звук не слышится невольничьих оков
И слезы горести не льются.

Там нивы жатвою покрыты золотою;
Там в селах царствует довольство с тишиною;
Спокойно грады там в поля бросают тень;
Там счастье навсегда свою воздвигло сень:
Оно лишь с *миром* сопряженно.

Там мирно старец дней закатом веселится,
Могилы на краю — неволи не страшится;
Ступя ногою в гроб — он смотрит со слезой,
Унылой, горестной, на путь скончанный свой
И жить еще — еще желает!

Там воин, лишь в полях сражаться приученный,
Смягчается — и меч, к убийству изощренный,
В отеческом доме под миртами кладет;
Блаженство тишины и дружбы познает,
Союз с природой обновляет.

Там Музы чистые, увенчанны оливей,
Веселым пением возносят дни счастливы;
Их лиры стройные согласнее звучат;
Они спокойствие, не страшну брань гласят,
Святую добродетель славят!

Слети, блаженный мир! — вселенная взывает —
Туда, где бранные знамена развевают;
Где мертв природы глас и где ее сыны
На персях матери сражаются, как львы;
Где братья братьев поражают.

О страх!.. Как яростно друг на друга стремятся
Кони в пыли, в поту свирепствуют, ярятся
И топчут всадников, поверженных во прах;
Оружия гремят, кровь льется на мечах,
И стоны к небесам восходят.

Тот сердца не имел, от камня тот родился,
Кто первый с бешенством на брата устремился...
Скажите, кто перун безумцу в руки дал

И жизни моя владыкою назвал,
Над коей я и сам не властен?

А слава?.. Нет! Ее злодей лишь в брани ищет;
Лишь он в стенаниях победы гимны слышит.
В кровавых горах тел трофеи чести зрит;
Потомство извергу проклятие гласит,
И лавр его, поблекши, тлеет.

А твой всегда цветет, о Росс великосердый,
В пример земным родам судьбой превознесенный
Но время удержать орлиный твой полет;
Колосс незыблем твой, он вечно не падет;
Чего ж еще желать осталось?

Ты славы путь протек Алкидовой стопою,
Полсвета покорил могучею рукою;
Тебе возможно все, ни в чем препоны нет:
Но стой, Росс! опочий — *се новый век* грядет!
Он мирт, не лавр тебе приносит.

Возьми сей мирт, возьми и снова будь героем, —
Героем в тишине, не в кроволитном бое.
Будь мира гражданин, венец лавровый свой
Омой сердечною, чувствительной слезой,
Тобою падшим посвященной!..

Брось палицу свою и щит неборимый,
Преобрази во плуг свой меч несокрушимый;
Пусть роет он поля отчизны твоя;
Прямая слава в ней, лишь в ней ищи ей;
Лишь в ней ее обрести ты можешь.

На персях тишины, в спокойствии блаженном,
Цвети, с народами земными примиренной!
Цвети, великий Росс! — лишь злобу поражай,
Лишь страсти буйные, строптивы побеждай
И будь во брани только с ними.

ЭЛЕГИЯ

Вечерний колокол печально раздается,
Бледнеющего дня последний час бьет,
Шумящие стада долины оставляют;
Усталый земледел задумчиво идет
В шалаш спокойный свой. — В объятиях природы,
Под кровом тишины здесь буду я мечтать.
В туманном сумраке таятся горы, воды;
Все тихо — лишь в траве кузнечики стучат,
Лишь слышится вдали пастуший рог унылой;
На древней башне сей, плющом и мхом покрытой,
Пустынныя совы я дикий слышу вой, —
Она стон жалобный к луне возносит свой
На странников ночных, которы возмущают
Ее безмолвного жилища мертвый сон,
И тайную ее обитель посещают!..
Здесь, где молчание воздвигло черный трон,
Где ивы дряхлые, рукою лет согбенны,
Из ветвей лиственных сплетают кров священный,
Где вяза древние, развесисты шумят,
Бросая мрачну тень на мирные могилы;
Здесь праотцы села, в безмолвии унылом,
Почивши навсегда глубоким сном, лежат.
Дыханье свежее рождающего дня,
Ни крики ласточки, в гнезде своем сидящей,
Ни голос петуха, ни стон рогов дрожащий,
Ничто не воззовет от тяжкого их сна!
Пылающий огонь, в горнилах извиваясь,
Их в зимни вечера не будет согревать,
Не будет более сынов своих лобзать,
От тягостных трудов в шалаш свой возвращаясь...
Как часто их рука сверкающей косой
Ссекала тонкий клас на ниве золотой!
Как часто острый плуг, их мышцей напряженный,
Взрывал с усилием упорные поля,
Как часто крепкие, корнистые древа

Валилися, под их секирой сокрушенны!
Пускай сын роскоши, богатством возгордись,

Над скромной нищетой кичливо возносясь,
Труды полезные и сан их презирает,
С улыбкой хладныя надменности внимает
Таящимся во тьме, незвучным их делам:
Часа ужасного нельзя избегнуть нам!
На всех ярится смерть — любимца громкой славы!
Вельможу-Кесаря, дающего уставы,
Всех ищет грозная и некогда найдет!
Путь славы и честей ко гробу нас ведет...
Слепого счастья наперсники надменны,
Не смейте спящих здесь безумно укорять
За то, что кости их в забвении лежат,
Что в сей обители, их теням посвященной,
Где в тихом пении, святом, благоговейном
Несется к небесам молений глас святых —
Нет гордых мраморов над скромной перстью их!
Зачем над мертвыми, истлевшими костями
Гробницы возносить, надгробия писать?
Души в холодный прах нам вечно не призвать!
И гимны почестей, гремящи над гробами,
Немого тления не властны оживить!
Неумолиму смерть хвала не обольстит!
Ах, может быть, под сей могилую таится
Праха сердца нежного, умевшего любить,
И кровожадный червь в сухой главе гнездится
Рожденной быть с венцом и мыслями парить
Иль восхищаться лир гармонией чудесной!
Науки светлые, питомицы веков,
Не озарили их светильником небесным!
Согбенны тягостью невольничьих оков,
В заветной нищете они свой век влачили,
И дар сердец своих безумно истощили...
Как часто редкий перл таится в мраке волн!
Как часто лилия в пустыне расцветает
Не зримая никем, безвестно увядает!

Там, может быть, лежит неведомый Мильтон,
И в узах гробовых безмолвствуя, хладеет;
Там, может быть, Кромвель неукротимый тлеет,
Что кровью сограждан еще не обаграл
Полей отеческих, и власти не искал!
Сенатом управлять державною рукою,
Сражаться с вихрем бед и грозною судьбою,
Обилье, счастье на смертных проливать,
В слезах признательных дела свои читать —
Сего их рок лишил своим определением!
Но если путь добра для них он сократил,
То много скрыл от них путей ко преступленьям;
Он им стезей убийств стремиться запретил
К престолом, пышностью и славой окруженным.
Простые их сердца умели сострадать
Несчастливым, жертвам зол, судьбою осужденным;
Ланиты их могли стыдливостью пылать!
И страсти буйные в их кущах безмятежных
Не смели возмущать невинности святой;
Ни слава, ни вина безвестный жребий свой,
Не зная ни счастья, ни бед ожесточенных,
Без страха и надежд в долине жизни сей
Они спокойно шли тропинкою своей...
В сем месте, где их персть лежит уединенно,
Простою резьбою, не златом украшенной,
Воздвигнут монумент спокойным теням их;
Здесь трудным шествием прохожий утомленной
Воссядет и почтит слезою память их —
Нет пышной надписи над скромною могилой!
Чистосердечие на ней рукою нельстивой
Их лета, имена потщилось начертать,
Евангельску мораль вокруг изобразило,
В которой мы должны учиться умирать!
Сыны безмолвия, почийте мирным сном!

Ваш подвиг совершен! — во мраке гробовом
Угрюмая судьба на вас не ополчится!

Нам всем один предел, но в землю всем сокрыться!
И мой ударит час последний, роковой,
И я, как юный цвет, увядший в летний зной,
Как нежный гибкий мирт, грозою низложенный,
Поблекну! — наша жизнь лишь быстрый сон мгновенный!
Но кто с сей жизнью без горя разлучался!
Кто прах свой, по себе, забвенью оставлял?
Без сожаления с сим миром расставался,
И взора горького назад не обращал?
Ах, сердце нежное, природу покидая,
Надеется друзьям оставить пламень свой!
И взоры тусклые, навеки угасая,
Хотят взглянуть на них с последнею слезой!
Для них глас нежности в могиле нашей слышен;
Для них наш мертвый прах и в самом гробе дышит!
Здесь буду я сокрыт! — сюда любимец мой
Придет с задумчивой, унылою тоской,
И оросит мой гроб сердечными слезами, —
Когда ж судьбу мою захочет он узнать,
Седой поселянин, согбенный под летами,
Вспомнит обо мне и будет отвечать:
«Он часто на заре, в долине мне встречался,
Когда, проснувшись с днем, спешил на холм взойти,
Чтоб солнце в утреннем сиянье обрести...
Там в роще иногда в унынии скитался,
Свои страдания природе поверял,
И взором горестным свой жребий укорял;
Здесь часто, в мрачное безмолвье погруженной,
Стоял над тихою спокойною рекой,
Которая в кустах течет уединенно;
Тут иногда сидел вечернею порой,
Небрежно голову на руки наклонивши,
И взоры томные в источник устремивши,
Который в тростнике виется и журчит;
Он часто слезы лил, как будто странник бедный,
Отчизны милыя, друзей, всего лишенный,
Которого и жизнь несчастью тяготит...
Он сохнул и увял; напрасно я в долине,

На холме у ручья несчастного искал!
Увы! нигде его уж больше не встречал!..
Все стало без него печальною пустыней!..
Наутро колокол надгробный зазвучал,
И стоном медленным, казалось, мне сказал:
Он кончил трудный путь, путь зол и испытаний!
Здесь, в сей юдоли тьмы, сокрытой от страданий,
Спит непробудным сном безмолвный прах его,
Прочти надгробие любимца своего!»

ЭПИТАФИЯ

Здесь бедный юноша сокрыт в земле сырой!
Не зная, что счастье? он век окончил свой!
Как странник, в мире сем печально он скитался!
Без утешения с природой он расстался!
Он был душою добр, он сердцем нежен был;
Несчастных, злобою и роком угнетенных
Дарил последним он — слезою сожаленья;
В награду от небес он друга получил!

Прохожий! наша жизнь как молния летит!
Родись! — Страдай! — Умри! — вот все, что рок велит!

СЕЛЬСКОЕ КЛАДБИЩЕ

Элегия

Уже бледнеет день, скрываясь за горою;
Шумящие стада толпятся над рекой;
Усталый селянин медлительной стопою
Идет, задумавшись, в шалаш спокойный свой.

В туманном сумраке окрестность исчезает...
Повсюду тишина; повсюду мертвый сон;
Лишь изредка, жужжа, вечерний жук мелькает,
Лишь слышится вдали рогов унылый звон.

Лишь дикая сова, таясь под древним сводом
Той башни, сетует, внимаема луной,
На возмутившего полуночным приходом
Ее безмолвного владычества покой.

Под кровом черных сосн и вязов наклоненных,
Которые окрест, развесившись, стоят,
Здесь праотцы села, в гробах уединенных
Навеки затворясь, сном непробудным спят.

Денницы тихий глас, дня юного дыханье,
Ни крики петуха, ни звучный гул рогов,
Ни ранней ласточки на кровле щебетанье —
Ничто не вызовет почивших из гробов.

На дымном очаге трескучий огонь, сверкая,
Их в зимни вечера не будет веселить,
И дети резвые, встречать их выбегая,
Не будут с жадностью лобзаний их ловить.

Как часто их серпы златую ниву жали
И плуг их побеждал упорные поля!
Как часто их секир дубравы трепетали
И потом их лица кропилася земля!

Пускай рабы сует их жребий унижают,
Смеясь в слепоте полезным их трудам,
Пускай с холодностью презрения внимают
Таящимся во тьме убогого делам;

На всех ярится смерть — царя, любимца славы,
Всех ищет грозная... и некогда найдет;
Всемощны судьбы незыблемы уставы:
И путь величия ко гробу нас ведет!

А вы, наперсники фортуны ослепленны,
Напрасно спящих здесь спешите презирать
За то, что гробы их непышны и забвенны,
Что лесть им алтарей не мыслит воздвигать.

Вотще над мертвыми, истлевшими костями
Трофеи зиждутся, надгробия блестят,
Вотще глас почестей гремит перед гробами —
Угасший пепел наш они не воспалят.

Ужель смягчится смерть сплетаемой хвалою,
И невозвратную добычу возвратит?
Не слаще мертвых сон под мраморной доскою;
Надменный мавзолей лишь персть их бременит.

Ах! может быть, под сей могилою таится
Прах сердца нежного, умевшего любить,
И гробожитель-червь в сухой главе гнездится,
Рожденной быть в венце иль мыслями парить!

Но просвещения храм, воздвигнутый веками,
Угрюмою судьбой для них был затворен,
Их рок обременил убожества цепями,
Их гений строгою нуждою умерщвлен.

Как часто редкий перл, волнами сокровенной,
В бездонной пропасти сияет красотой;
Как часто лилия цветет уединенно,
В пустынном воздухе теряя запах свой.

Быть может, пылью сей покрыт Гампден надменный,
Защитник сограждан, тиранства смелый враг;
Иль кровию граждан Кромвель необагранный,
Или Мильтон немой, без славы скрытый в прах.

Отечество хранить державною рукою,
Сражаться с бурей бед, фортуны презирать,
Дары обилия на смертных лить рекою,
В слезах признательных дела свои читать —

Того им не дал рок; но вместе преступленьям
Он с доблестями их круг тесный положил:

Бежать стезей убийств ко славе, наслаждениям,
И быть жестокими к страдальцам запретил:

Таить в душе своей глас совести и чести,
Румянец робкия стыдливости терять
И, раболепствуя, на жертвенниках лести
Дары небесных Муз гордыне посвящать.

Скрываясь от мирских погибельных смятений,
Без страха и надежд, в долине жизни сей,
Не зная горести, не зная наслаждений,
Они беспечно шли тропинкою своей.

И здесь спокойно спят под сенью гробовую —
И скромный памятник, в приюте сосн густых,
С непышной надписью и резьбою простою,
Прохожего зовет вздохнуть над прахом их.

Любовь на камне сем их память сохранила,
Их лета, имена потщившись начертать;
Окрест библейскую мораль изобразила,
По коей мы должны учиться умирать.

И кто с сей жизнью без горя расставался?
Кто прах свой по себе забвенью предавал?
Кто в час последний свой сим миром не пленялся,
И взора томного назад не обращал?

Ах! нежная душа, природу покидая,
Надеется друзьям оставить пламень свой;
И взоры тусклые, навеки угасая,
Еще стремятся к ним с последнею слезой;

Их сердце милый глас в могиле нашей слышит;
Наш камень гробовой для них одушевлен;
Для них наш мертвый прах в холодной урне дышит,
Еще огнем любви для них воспламенен.

А ты, почивших друг, певец уединенный,
И твой ударит час, последний, роковой;
И к гробу твоему, мечтой сопровождаемый,
Чувствительный придет услышать жребий твой.

Быть может, селянин с почтенной сединою
Так будет о тебе пришельцу говорить:
«Он часто по утрам встречался здесь со мною,
Когда спешил на холм зарю предупредить.

Там в полдень он сидел под дремлющею ивой,
Поднявшей из земли косматый корень свой;
Там часто, в горести беспечной, молчаливой,
Лежал, задумавшись, над светлою рекой;

Нередко ввечеру, скитаясь меж кустами, —
Когда мы с поля шли и в роще соловей
Свистал вечерню песнь, — он томными очами
Уныло следовал за тихую зарей.

Прискорбный, сумрачный, с главою наклоненной,
Он часто уходил в дубраву слезы лить,
Как странник, родины, друзей, всего лишённый,
Которому ничем души не усладить.

Взошла заря — но он с зарею не являлся,
Ни к иве, ни на холм, ни в лес не приходил;
Опять заря взошла — нигде он не встречался;
Мой взор его искал — искал — не находил.

Наутро пение мы слышим гробовое...
Несчастливого несут в могилу положить.
Приблизься, прочитай надгробие простое,
Чтоб память доброго слезой благословить».

*Здесь пепел юноши безвременно сокрыли,
Что слава, счастье, не знал он в мире сем.*

*Но музы от него лица не отвратили,
И меланхолии печать была на нем.*

*Он кроток сердцем был, чувствителен душою —
Чувствительным Творец награду положил.
Дарил несчастных он — чем только мог — слезою;
В награду от Творца он друга получил.*

*Прохожий, помолись над этою могилой;
Он в ней нашел приют от всех земных тревог;
Здесь все оставил он, что в нем греховно было,
С надеждою, что жив его Спаситель-Бог.*

СТИХИ, СОЧИНЕННЫЕ В ДЕНЬ МОЕГО РОЖДЕНИЯ

*К моей лире
и к друзьям моим*

О лира, друг мой неизменной,
Поверенный души моей!
В часы тоски уединенной
Утешь меня игрой своей!
С тобой всегда я неразлучен,
О лира милая моя!
Для одиноких мир сей скучен,
А в нем *один* скитаюсь я!

Мое младенчество сокрылось;
Уж вянет юности цветок;
Без горя сердце истощилось,
Вперед присудит что-то рок!
Но я пред ним не поблднею:
Пусть будет то, что должно быть!
Судьба ужасна лишь злодею,
Судьба меня не утрашит.

Не нужны мне венцы вселенной,
Мне дорог ваш, друзья, венок!

На что чертог мне позлащенной?
Простой, укромный уголок,
В тени лесов уединенный,
Где бы свободно я дышал,
Всем милым сердцу окруженный,
И лирой дух свой услаждал, —

Вот всё — я больше не желаю,
В душе моей цветет *мой* рай.
Я бурный мир сей презираю.
О лира, друг мой! утешай
Меня в моем уединенье;
А вы, друзья мои, скорей,
Оставя свет сей треволненный,
Сберитесь к хижине моей.
Там, в мире сердца благодатном,
Наш век как ясный день пройдет;
С друзьями и тоска приятна,
Но и тоска нас не найдет.
Когда ж придет нам расставаться,
Не будем слез мы проливать:
Недолго на земле скитаться;
Друзья! увидимся опять.

К * * *

Увы! протек свинцовый год,
Год тяжкий горя, испытанья;
Но безрассудный, злобный рок
Не облегчил твои страданья.

Напрасно жалобной слезой
Смягчить старался Провиденье!
Оно не тронулось мольбой
И не смягчило чувств томленье.

Как хладной осени рука
С опустошительной грозой

Лишает прелести цветка
Своей безжалостной косою, —

Так ты безжалостной судьбой
Лишен веселья в жизни брэнной.
Цветок заблещет вновь весной,
Твое ж страданье неизменно!

К ПОЭЗИИ

Чудесный дар богов!
О пламенных сердец веселье и любовь,
О прелесть тихая, души очарованье —
Поэзия! С тобой
И скорбь, и нищета, и мрачное изгнанье —
Теряют ужас свой!
В тени дубравы, над потоком,
Друг Феба, с ясною душой,
В убогой хижине своей,
Забывший рок, забвенный роком, —
Поет, мечтает и — блажен!
И кто, и кто не оживлен
Твоим божественным влияньем?
Цевницы грубья задумчивым бряцаньем
Лапландец, дикий сын снегов,
Свою туманную отчизну прославляет
И неискusstvenной гармонией стихов,
Смотря на бурные валы, изображает
И дымный свой шалаш, и хлад, и шум морей,
И быстрый бег саней,
Летающих по снегам с оленем быстроногим.
Счастливым жребием убогим,
Оратай, наклонясь на плуг,
Влекомый медленно усталыми волами, —
Поет свой лес, свой мирный луг,
Возы, скрипящи под снопами,
И сладость зимних вечеров,

Когда, при шуме вьюг, пред очагом блестящим,
В кругу своих сынов,
С напитком пенным и кипящим,
Он радость в сердце льет
И мирно в полночь засыпает,
Забыв на дикие бразды пролитый пот...
Но вы, которых луч небесный оживляет,
Певцы, друзья души моей!
В печальном странствии минутной жизни сей
Тернистую стезю цветами усыпайте
И в пылкие сердца свой пламень изливайте!
Да звуком ваших громких лир
Герой, ко славе пробужденный,
Дивит и потрясает мир!
Да юноша воспламененный
От них в восторге слезы льет,
Алтарь отечества лобзает
И смерти за него, как блага, ожидает!
Да бедный труженик душою расцветет
От ваших песней благодатных!
Но да обрушится ваш гром
На сих жестоких и развратных,
Которые, в стыде, с возвышенным челом,
Невинность, доблести и честь поправ ногами,
Дерзают величать себя полубогами! —
Друзья небесных Муз! пленимся ль суетой?
Презрев минутные успехи —
Ничтожный глас похвал, кимвальный звон пустой, —
Презревши роскоши утехи,
Пойдем великих по следам! —
Стезя к бессмертию судьбой открыта нам!
Не остыдим себя хвалою
Высоких жребием, презрительных душою, —
Дерзнем достойных увенчать!
Любимцу ль Фебову за призраком гоняться?
Любимцу ль Фебову во прахе пресмыкаться
И унижением Фортуны обольщать?

Потомство раздает венцы и посрамленье:
Дерзнем свой мавзолей в алтарь преобразить!
О слава, сердца восхищенье!
О жребий сладостный – в любви потомства жить!

ПОСЛАНИЕ ЭЛОИЗЫ К АБЕЛЯРУ

В сих мрачных келиях обители святой,
Где вечно царствует задумчивый покой,
Где, умиленная, над хладными гробами,
Душа беседует, забывшись, с небесами,
Где вера в тишине святыне слезы льет
И меланхолия печальная живет,
Что сердце мирная весталка возмутило?
Что в нем потухший огонь опять воспламенило?
Какой волшебный глас, какой прелестный вид
Увядшую в тоске опять животворит?
Увы! еще люблю!.. исчезни, заблужденье!
Сей трепет внутренний, сие души волненье
При виде милых строк знакомья руки,
Сие смешение восторга и тоски —
Не суть ли признаки любви непобежденной?
Супруг мой, Абельяр! О имя незабвенно!
Дерзну ль священный храм тобою огласить?
Дерзну ли с Творческим тебя совокупить,
Простертая в пыли, молясь пред алтарями?
О страшные черты! да смою их слезами!
Преступница! к кому, что смеешь ты писать?
Кого в обителях святыни призывать?
Небесный твой супруг во гневе пред тобою!
Творец, Творец! смягчись! вотще борюсь с собою!
Где власть против любви? Чем сердце укротить?
Каким могуществом сей пламень потушить?

О стены мрачные! о скорбных заточенье!
Пустыней страшный вид! лесов уединенье!